

Цитата/Citation: Zakharova, L. (2026). Отражение двойственности русского характера в оценочных предикатах повести «Барышня-Крестьянка» А. С. Пушкина. *Uluslararası Dil, Edebiyat ve Kültür Araştırmaları Dergisi (UDEKAD)*, 9 (1), 79-93. DOI: <https://doi.org/10.37999/udekad.1854341>

Larisa Zakharova *

ОТРАЖЕНИЕ ДВОЙСТВЕННОСТИ РУССКОГО ХАРАКТЕРА В ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДИКАТАХ ПОВЕСТИ «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА» А. С. ПУШКИНА	REFLECTIONS OF THE DUALITY OF THE RUSSIAN CHARACTER IN PREDICATES WITH AN EVALUATIVE MEANING IN PUSHKIN'S TALE 'THE NOBLEWOMAN-PEASANT'
<p>АННОТАЦИЯ</p> <p>В статье рассматривается роль оценочных предикатов в раскрытии двойственности русского национального характера на материале повести Пушкина «Барышня-крестьянка». В исследовании оценочная семантика найденных методом сплошной выборки предикатов была изучена с применением компонентного и контекстного анализа. Для изучения предикатов в конкретных высказываниях была разработана классификация параметров оценки второстепенных героев провинциальных дворян-помещиков Берестова и Муромского. К ним относятся: прошлое, деятельность в поместье, отношение к детям и друг к другу. Описание значения предикатов в повести с помощью всех членов оценочных высказываний позволило проследить отражение в них основных тенденций российской социальной жизни начала XIX века. Самыми главными из них являются философские идеи славянофильства и западничества, которые в пушкинские времена переживают период своего становления. Интерпретация семантики предикатов, связанная с понятиями общественной нормы, стандарта, другими фоновыми и культурно-историческими знаниями, позволила раскрыть факт существования идейных разногласий. Поэтому даже в российской глубинке можно наблюдать у представителей поместного дворянства разный стиль жизни, жизненные ценности, стремления и взгляд на будущее России.</p> <p>Ключевые слова: Повесть, Сема, Помещик, Предикат, Оценочная семантика</p>	<p>ABSTRACT</p> <p>The focus of this study is an examination of the role of evaluative predicates in Pushkin's tale 'The Noblewoman Peasant' to show the duality of the Russian national character. The semantics of the selected predicates were investigated using component and contextual analyses to examine them in definite sentences. We also developed a classification of evaluation parameters for the secondary characters, the provincial noblemen-landowners Berestov and Muromsky. These include family life, farm activities, and attitudes toward children and each other. The depiction of the semantics of evaluative predicates in the tale, encompassing all aspects of them, reflects the main trends in Russian social life at the beginning of the 19th century. The most important of these are the philosophical ideas of the Slavophiles and Westerners, which emerged during Pushkin's time. The interpretation of the semantics of predicates, particularly their evaluative aspect, reveals ideological differences by appealing to concepts of social norms, standards, and other background and cultural-historical knowledge. This creates diversity in lifestyles, values, and views on Russia's future among the local aristocracy.</p> <p>Keywords: Tale, Sema, Landowner, Predicate, Evaluative Meaning</p>

* Канд. филол. н., преп., Стамбульский Университет Бейкент, Кафедра Русского Перевода и Интерпретации, Стамбул/Турция. E-mail: laryszakharova@beykent.edu.tr / Phd, Asst. Prof., Istanbul Beykent University, Department of Russian Translation and Interpretation, Istanbul/Turkey. E-mail: laryszakharova@beykent.edu.tr

Введение

В XVIII–XIX вв. социальное, экономическое развитие способствовало постепенному увеличению численности образованных людей среди представителей правящего класса дворян. Начиная с деятельности карамзинистов, в российском обществе зародились споры об историческом пути России и её роли в мировом прогрессе, которые не утихают и сегодня. Особый импульс этим процессам дали события начала XIX века: демократические реформы императора Александра I, победа в Отечественной войне 1812 года, восстание декабристов 1825 года. Все перечисленное не могло не отразиться в литературе и общественной мысли страны.

Так, начиная с конца XVIII к середине XIX века, сформировались два противоположных философских направления, которые были связаны с выбором Россией своего пути развития. Идеиные лидеры славянофильства А. С. Хомяков, братья И. С. Аксаков и К. С. Аксаков, А. И. Кошелев, братья И. В. Киреевский и П. В. Киреевский и др. в своих философско-публицистических работах утверждали, что Россия имеет своё, отличное от европейского, направление развития вследствие самобытной истории, православной религии, культуры. Они были сторонниками монархии, опирающейся на веру и местное самоуправление, крестьянские общины, верили в необходимость отмены крепостного права и государственных реформ (Гвоздев, 2012). Представители западников П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, Н. П. Огарёв и многие другие заявляли об обратном, считали, что Россия является неотъемлемой частью цивилизованного западного мира, её развитие неизбежно должно пойти по европейскому типу, а не быть привязанным к старым византийским православным догмам. Западничество не означало отречения от прошлого и национальной идентичности, оно скорее содержало в себе критику существующего строя и цензуры, открытость изменениям, сближение с другими европейскими культурами и странами. Оба направления представляли собой совокупность общественных философских взглядов правящего класса, однако славянофилы выражали в большинстве интересы поместного дворянства, а западники были сторонниками будущих революционных движений и, в частности, буржуазии (Блейхер & Любарский, 2003).

Целью настоящей работы является исследование мотивов славянофильства и западничества, отраженных в повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка». Материалом анализа послужила оценочная семантика предикатов в описании двух типов помещиков Берестова и Муромского.

Актуальность темы заключается прежде всего в новом взгляде на последнюю новеллу А. С. Пушкина из цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» в филологических исследованиях как отражении общественно-философских исканий и веяний, функционирования славянофильских и западнических идей в русской глубинке начала XIX века.

Методы исследования

Выделение предикатов в работе было выполнено с помощью метода их сплошной выборки из текста повести. Изучение их семантики проводилось методом компонентного анализа, который предполагает разложение значения на минимальные составляющие,

семь, выделение среди них оценочных. Кроме того, применение методов контекстного анализа высказываний и интерпретации сем позволило выявить семантическую и прагматическую специфику элементов, вовлеченных в создание оценочного значения.

Исследование

Развитие общественной мысли в России конца XVIII начала XIX веков закономерно отразилось на развитии языка и появлении на нём литературы, которая по праву стала частью мировой. Это прежде всего относится к литературной деятельности основоположника современного русского литературного языка А. С. Пушкина. Поэт является одновременно новатором в стиле изображения событий, что сделало его родоначальником нового направления в искусстве – реализма. Тема нашей работы непосредственно связана со всем перечисленным, но и выходит за его рамки. Итак, в поздний период своего творчества Пушкин обращается к темам, новым для него и русской литературы того времени прозаическим жанрам, а именно к последней повести-новелле в цикле «Повести Белкина» (1830). Современники не увидели в них ничего ценного, новаторского и подвергли жесткой критике, особенно последнюю из них «Барышню-крестьянку». Её считали мелодрамой, жалким подражанием сюжетов европейской литературы. На сегодняшний день существует много отзывов, в которых рассматриваются источники в европейской литературе, откуда Пушкин черпал идеи для создания сцен повести (Гиппиус, 1966). Особенно повлиявшим на общественное мнение было высказывание уже известного к тому времени литературного критика В. Г. Белинского (1948):

[...] эти повести были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то вроде повестей Карамзина, с тою только разницею, что повести Карамзина имели для своего времени великое значение, а повести Белкина были ниже своего времени. Особенно жалка из них одна - «Барышня-крестьянка», неправдоподобная, водевильная, представляющая помещичью жизнь с идиллической точки зрения. (с. 637)

Потомки отнеслись к наследию Пушкина уважительно, увидели в повестях зачатки русской классической прозы середины и конца XIX века:

«Повести Белкина» внесли в русскую литературу разнообразные типы «ничтожных героев» — простых людей, судьбы которых складываются не по традиционным литературным схемам, а так, как складывается сама жизнь с ее неожиданными поворотами, заключается их громадное, не только литературное, но и историческое значение: «Повести Белкина» вместе с «Домиком в Коломне» явились выражением новых тенденций русской общественной жизни. (Измайлов, 1978, с. 168)

Задача настоящей работы - показать двойственность национального русского характера, которая и отразилась в философских трудах о поиске путей развития русского общества. Этот аспект повести не был рассмотрен российскими и турецкими исследователями. Как уже было указано, Россия с её религией и особым географическим положением оказалась на пороге выбора своего дальнейшего пути: исконного, которой отстаивали славянофилы, или европейского, который предлагали западники. Необходимо отметить, что подобные споры ведутся в российском обществе и на современном этапе развития. Пушкин, по справедливому замечанию В. Г. Белинского (1948), «не изображает провинциальных помещиков-представителей старшего поколения реалистично, подобно тому, что сделано в «Дубровском» и «Капитанской дочке»» (с. 638). Имеется ввиду их

своеволие с крепостными, беспощадность по отношению к бедным дворянам, наемным работникам и т.п. Перед читателем «Барышни-крестьянки» предстаёт два противоположных типа русских поместных дворян, и в этом Пушкин далёк от упомянутой идеализации. Это уже немолодые и провинциальные представители правящего класса России пушкинского времени: близкий к идеям славянофилов Берестов и поклонник всего западного Муромский. Рассмотрим особенности каждого из них, определим истоки мировоззрения, общественную позицию и стиль жизни.

Работа с материалом показала, что оценочная семантика в характеристике обоих героев присутствует в простых сказуемых, выраженных глаголами, их формами (причастием и деепричастием), а также сложных именных сказуемых. Оценка как языковая категория является составляющей прагматического значения, которое «слово или высказывание приобретает в ситуации речи», вследствие чего она «полностью зависит от контекста и раскрывается через синтаксис» (Арутюнова, 1988, сс. 4-7). Поэтому для описания оценочного предиката будут важны личность автора (субъекта), объекта оценки, временной фактор, основания оценки и нормы, или принятого в обществе стандарта, относительно которого даётся оценка. В лингвистике принято говорить об *общеоценочном* и *частнооценочном* значении, первое из которых выражается с помощью сложных именных сказуемых в составе с прилагательными *хороший* и *плохой*. Частнооценочные значения в трудах разных исследователей классифицируются по «сенсорным признакам (вкусовым и психологическим (интеллектуальная, эмоциональная оценка))», по так называемым «сублимированным», т.е. нравственным признакам («эстетическая» и «этическая» оценка); по рационалистическим признакам, т.е. «утилитарным» (польза или вред), «нормативным» (соответствие стандарту), «телеологическим» (достижение цели) (Арутюнова, 1988).

Художественные произведения отражают основные сферы жизни людей, культурные и социальные реалии, идеологию эпохи их создания (Аксап, 2023). Пушкин также оценивает своих героев, учитывая указанные параметры: прошлое, семейные отношения; отношение к детям, деятельность в поместье, стиль жизни, одежды и связанное с ними самомнение; отношение к противнику до случайной встречи в лесу; отношение к противнику после неё.

Прошлое, семейные отношения

Первым автор представил читателю Ивана Петрович Берестова. Это типичный для своего времени помещик, имение которого досталось ему по наследству от родителей. О происхождении поместья Муромского Пушкин ограничивается лишь определением “последняя (деревня)”, то есть откуда оно у него появилось, остаётся для читателя загадкой. Если Берестов был гвардейцем, то о роде деятельности Муромского умалчивается. Переезд Берестова в родовое имение описывается по-армейски сухо тремя предикатами с нейтральным оценочным компонентом: «вышел в отставку», «уехал», «не выезжал» (Пушкин, 1978, с. 145). Хотя при последнем из них употребляется отрицательная частица «не», которая содержит сему эмоциональной оценки не ‘отправляться в путь’ (Бернштейн и др., 2000, с. 425), то есть не иметь общения с прежними знакомыми, и содержит намёк на его нынешнее затворничество. О причине отставки Берестова в молодые годы автор не говорит, а лишь указывает время, то есть 1797 год, когда к власти после длительного правления Екатерины II, наконец, пришел Павел I. Долгие годы жаждавший взойти на

престол своего отца император считал, что трон был узурпирован его матерью, упрочившей монархию, положение дворянства, армии, крепостное право (Ключевский, 1989). Его царствование можно охарактеризовать как протест политике предшествующего. Как пишет в примечании к тексту повести Б. В. Томашевский (1978), Павел I пытался избавиться от преданных матери людей, ограничивал в правах дворян; особым образом перемены затронули гвардейцев, которые привели Екатерину II к власти (Пушкин, 1978). Вероятно, к их числу и принадлежал Берестов, который предпочел отставку опале. А прошлое настоящего русского барина, как Муромский именуется в повести, описывается предикатом с ярким частнооценочным значением: «промотав уехал» (Пушкин, 1978, с. 146), то есть оставил прежнее место пребывания. Особую негативную телеологическую оценку имеет деепричастие *промотав* с семьей 'нерасчётливо' в значении «растратить, израсходовать (деньги, имущество)» (Бернштейн и др., 2000, с. 867), так поступали довольно часто с собственным наследством.

Прошлое семейной жизни Берестова также охарактеризовано достаточно однотипно: «был женат», «умерла» и «овдовел» (Пушкин, 1978, с. 145). Сухость в его описании, с точки зрения рассказчика, мещанина Белкина, переходит сначала в положительную плоскость: «женился на бедной дворянке» (Пушкин, 1978, с. 145). А затем оценка приобретает негативную окраску в связи с историей родов и смерти его жены. Именно тогда Берестова не оказалось рядом, он занимался хозяйством. Интересной деталью всех этих событий, которая говорит об отсутствии интереса к жене и ребёнку, а также утешении теми же хозяйственными занятиями после происшедшего, является негативно оцениваемое с точки зрения этического фактора обстоятельство места, а именно нахождение его в это время «в отъезде поле» (Пушкин, 1978, с. 145). Употреблённый при этом предикат «утешить» обладает эмоциональным оценочным компонентом 'успокоиться, перестать испытывать огорчения' (Бернштейн и др., 2000, с. 785), это всё же говорит о его внутренних переживаниях, потрясении и горе, которые не находят выхода в чувствах, словах и поступках. При этом о смерти супруги Муромского мы узнаем лишь посредством нейтрального предиката «овдовел» (Пушкин, 1978, с. 146).

Отношение к детям

Показательным фактором в характеристике обоих персонажей является отношение к детям. Нам представляется, что такой нюанс, как пол их детей, в повести не случаен: ведь у Берестова был сын, а у Муромского - дочь. Так как жесткость, равнодушие, сдержанность в чувствах, свойственные Берестову, сделали бы его дочь несчастной, как и в прошлом его жену. Тогда бы в повести появился другой драматический мотив, а его сын Алексей не нуждается в тонком душевном участии отца. Поэтому отношение Берестова к сыну Пушкин выражает глаголами с негативным значением, создаваемым отрицательными частицами *не* и наречием *мало* («не соглашался», «мало беспокоился», «не смей», «не вышибешь»), предикатами с волюнтаривной семантикой, т.е. выражающими проявления волевых суждений и поступков грамматическими формами долженствования, императива, первого лица единственного числа («призвал», «намерен женить», «не смей показываться», «после понравится», «прокляну», «продам», «промотаю», «не оставлю»), а также фразеологизмами «стерпится слюбится», «гвоздём не вышибешь» (Пушкин, 1978). Причем внутренняя форма названных фразеологизмов основана на общественной норме принуждения в отношении брака и выражается семами 'против желания' эмоциональной и 'необходимость

действовать крайними средствами' телеологической оценки. Таким образом, в семейной жизни Берестов был человеком жёстким и следовал правилам, предписанным еще в средневековом *Домострое*.¹

Муромский же баловал дочь, как поклонник всего английского, называл свою Лизу именем-прозвищем Бетси, поэтому и отношение к ней описано предикатами с противоположной оценочной семантикой нежели у Берестова: «восхищали», «не спорил», «поцеловал», «предстояло уговорить», «сладит» (Пушкин, 1978). Такой тип оценки является частнооценочным и включает семы психологического эмоционального плана 'высшая степень радости', 'мирно' (действовать), 'мягко' (пытаться убедить).

Деятельность в поместье, стиль жизни, одежды, самомнение

Следующими и главными критериями характеристики обоих героев в повести являются деятельность в поместье, стиль жизни, одежды и связанное с ними самомнение. Как уже было указано, бывший военный Берестов в своей деревне занимался хозяйством или охотой, во время родов жены «находился в отъезде поле», то есть в дальнем, предназначенном для охоты, «хозяйственные упражнения его утешили» (Пушкин, 1978, с. 145). Род его занятий можно описать глаголами с положительной телеологической оценкой, свидетельствующей об успехах: «выстроил (дом)», «завёл (фабрику)», «утроил (доходы)», «сам записывал» (доходы) (Пушкин, 1978, сс. 145-146). Аналогично Пушкин оценивает его экономию и скромность в быту, что не характерно для соперника Берестова: «ходил в плюсовой куртке», «надевал сертук из сукна домашней работы», «коляска домашней работы» (Пушкин, 1978, сс. 145, 162). Однако автор попутно отмечает, что коляска была запряжена шестью лошадьми, выезжал на охоту с тремя парами борзых, стремянным, принимал у себя гостей. Это свидетельствует и о том, что Берестов, как им многие помещики, все-таки не отказывал себе в роскоши, а экономию и хозяйственность демонстрировал гостям, использовал для создания о себе общественного мнения. Следует отметить, что в связи с описанным Пушкин противоречиво характеризует Берестова, употребляя в одном оценочном высказывании «стал почитать себя умнейшим человеком во всем околодке» (Пушкин, 1978, с. 145) превосходную степень прилагательного «умный» и контрастирующее с ним обстоятельство места «околодок», имеющее сниженную сенсорную оценку по критерию протяженности 'ближайшие окрестности' (Бернштейн и др., 2000, с. 120). А реальное отношение к Берестову соседей, знавших его крутой характер, выражено с помощью предикатов «любили», «почитали гордым», «не прекословили», то есть 'не возражали, не перечили' (Бернштейн и др., 2000, с. 720).

Другим занятием Берестова в деревне было чтение, но читал только правительственную газету «Сенатские ведомости» (Пушкин, 1978, с. 145). Причём, газета начала издаваться в 1809 году уже после смерти Павла I и была посвящена указам императора и его Сената. Таким образом, можно предположить, что несмотря на массу исторических событий, изменения в обществе того времени, ничем кроме официальных новостей Берестов не интересовался. Время для него замерло. Этот факт подтверждается

---

¹ Во времена Ивана Грозного (16 век) протопоп Сильвестр собрал сборник, одна глава которого содержала перечень семейных правил благопослушных христиан. Там были отражены средневековые нормы семейных отношений и общественная мораль. А в 19 веке и последующие эпохи данная книга ассоциировалась с патриархальными, устаревшими устоями жизни.

высказыванием «ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера» и критикой в отношении своего соседа, выраженной с помощью предикатов, содержащих, с его точки зрения, нормативную оценку, то есть указывающую на общественный стандарт, «отзывался строже всех», «по-английски разоряться» (Пушкин, 1978, с. 146). Берестов постоянно демонстрирует приверженность к исконно русским традициям, этим объясняется и фраза, вложенная автором в его уста: «Были бы мы по-русски хоть сыты.» (Пушкин, 1978, с. 146).

При описании стиля жизни Муромского в деревне Пушкин также отказывается от идеализации, но сначала употребляет предикаты с утилитарной оценкой, где главный критерий пользы или вреда имеет эмоциональную ироническую окраску: «проказничал», то есть чудачил (Бернштейн и др., 2000, с. 860) и «находил способ входить в новые долги» (Пушкин, 1978, с. 146). А далее автор раскрывает смысл этих безрассудных поступков с помощью намеренного повторения прилагательного *английский*: «развел английский сад, на который тратил [...] остальные доходы», «конюхи его были одеты английскими жокеями», «у дочери его была мадам англичанка», «поля свои обрабатывал по английской методе» (Пушкин, 1978, с. 146). Ирония усиливается и за счет того, что Муромский говорит по-русски и лишь в нескольких фразах добавляет английские слова. Здесь Пушкин описывает тенденцию, существовавшую в российском обществе конца XVIII – начала XIX веков, когда политические и особенно культурные связи с Англией стали отражаться не только в литературе, но и в быту русской глубинки. Большое влияние на появление английских традиций в среде русского дворянства сыграли переводы Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, С. Н. Глинки, самого А. С. Пушкина и других (Баскина & Дроздов, 2022). Это влияние усилилось во время Отечественной войны 1912 года, освободительного похода российских войск в Европу. Интересно, что в описываемое время французский способ устройства сада уже считался устаревшим, а английский – новым веянием (Дмитриева & Купцов, 2008). Как отмечает Б. В. Томашевский в комментариях к повести «Барышня-крестьянка», «в противоположность французскому саду, геометрически правильному, английский сад подражал естественному лесу.» (Пушкин, 1978, с. 522). Кроме того, противоположность традиционных взглядов Берестова и англomanии Муромского отражает реальные процессы в российском обществе начала XIX века. Этой теме посвящена одна из работ бывшего министра иностранных дел и генерал-губернатора Москвы, патриота и славянофила графа Ф. В. Ростопчина «Соха и плуг». В ней автор полемизирует со сторонниками английского метода земледелия, доказывая, что в России, в провинциях, с её климатом, орудиями труда, количеством и плодородием пахотных земель его применение бесполезно или, лучше сказать, невозможно, и приводит примеры доходности и потерь (Ростопчин, 2014, с. 100). Пушкин был хорошо знаком с её содержанием, поэтому с иронией относительно англomanии Муромского в хозяйственных вопросах употребляет стилизованную под пословицу цитату из пьесы А. Шаховского, известного мастера афоризмов, просторечных выражений, «на чужой манер хлеб русский не родится» (Пушкин, 1978, с. 146). Причиной её цитирования в повести является личность субъекта оценочного высказывания - рассказчика Белкина, человека из народа, отсюда и простота языка, множество разговорных выражений. Естественно, что результаты деятельности Муромского в повести находят свое выражение в предикатах с телеологической оценкой, то есть оценивающих её эффективность или неэффективность: «не прибавлялись»

(доходы), «находил способ входить в долги» и определения «заложённые в ломбарде» (бриллианты) (Пушкин, 1978, сс. 146, 163). Однако Пушкин указывает на находчивость Муромского в поиске новых возможностей получения дохода, хотя чтением (даже одной газеты подобно Берестову) он не увлекался. С этим связана и такая черта его характера, как предприимчивость, способность на рискованные поступки. Поэтому залог имения в *Опекунский совет*, который принес ему выгоду, оценивается провинциальным дворянским обществом в позитивном телеологическом диапазоне «догадался заложить» (Пушкин, 1978, с. 146). Упомянутый *Опекунский совет* был создан в 1763 году в качестве органа административного управления сиротскими домами и выдавал ссуды на разорившиеся имения под большие проценты (Федосюк, 2006, сс. 104-105). Несмотря на это, помещики, заложившие свои земли, получали крупные суммы наличными. Вследствие описанного Муромский заслужил уважение поместного дворянства, в отличие от «идейного» противника Берестова, который сам почитал себя умнейшим. При этом для характеристики поступка Муромского употребляется предикат в пассивной форме с положительной оценкой «почитался [...] не глупым» (Пушкин, 1978, с. 146), которая содержит основание суждения о нем, как находящееся выше на нормативной оценочной шкале общественного мнения среди соседей и поместного дворянского общества.

Отношение к противнику до случайной встречи

Показательны в характеристике обоих героев оценочные предикаты в отношении к противнику до и после их случайной встречи в лесу. Функцию выражения Берестовым мнения о Муромском в повести выполняют предикаты в форме несовершенного вида, указывающие на повторяемость, цикличность. Они обладают общеоценочным значением, которое указывает лишь положительный или отрицательный вектор без экспликации признаков. Информативная недостаточность таких единиц может компенсироваться различными компонентами оценочного суждения: субъектом оценки, дейктическими словами, пресуппозицией высказывания, или предварительными сведениями об оцениваемом, понятием оценочной нормы, эталона, а также интерпретацией с помощью контекста (Арутюнова, 1988, сс. 5, 93-97). Так, нейтральная семантика сказуемого «не мог говорить» приобретает общеоценочный характер *плохо* благодаря дейктическому слову, частице *не*, и наречию с эмоциональным частнооценочным значением *равнодушно*, то есть «спокойно» (Бернштейн и др., 2000, с. 952). Оценочность предиката «отзывался строже всех» эксплицируется в контексте отсылкой к понятию субъекта *все* и формируемой ими нормы – общественного мнения, а также превышения её, выражаемого превосходной степенью наречия *строго*. Семантика предиката «критиковать», то есть «указывать недостатки, порицать, осуждать» (Бернштейн и др., 2000, с. 429), содержит негативные оценочные семы в ядерной части. А в повести это значение усиливается за счёт сочетания сказуемого «критиковать» с наречием «поминутно», имеющим префикс, вносящий оттенок интенсивности и периодичности: «поминутно находил случаи критиковать» (Пушкин, 1978, с. 146). Яркая негативная оценка предиката «разоряться», субъектом которой является Берестов по отношению к Муромскому, «потерять все свое состояние, обнищать» (Бернштейн и др., 2000, с. 997) раскрывается с помощью наречия способа действия *по-английски*. Пресуппозицией иронического эмоционального частнооценочного значения высказывания «[...] возвратился домой со славою, [...] ведя своего противника раненым и почти военнопленным» (Пушкин, 1978, с. 160) является случайная встреча противников в

лесу и падение Муромского с лошади. Причём субъектом оценки является сам автор и выражает внутреннее ощущение Берестова. Привлекает внимание при этом именование объекта оценки Муромского «противником», а также роль дейктического слова, наречия «почти», то есть в неполной степени, которое относится к определению «военнопленный», хотя никаких реальных военных действий читатель не наблюдает. Вражда, противостояние происходят между соседями, недостаточно знавшими друг друга, с разным прошлым и взглядами на жизнь. А ирония напоминает читателю о роде занятий Берестова, бывшего военного, который, в данном случае, воспринимает всё как реальную победу, хотя эта иллюзия реальности развеивается употреблением наречия «почти».

При описании отношения Муромского к Берестову Пушкин проявляет большую сдержанность и в количестве предикатов, и в их оценочном значении. Так, негативная семантика нейтрального предиката «ладить» выражена дейктическим словом, частицей «не» («не ладил»), а в качестве реакции на критику Берестова предиката «прозвать» - сочетанием с непрямыми объектами «медведь» и «провинциал» («прозвал медведем и провинциалом») (Пушкин, 1978, с. 146). Причём пресуппозицией оценки общего негативного характера обоих предикатов является эмоциональная реакция Муромского на критику противника в свой адрес. Поэтому Пушкин изображает его как человека с мягким характером, привыкшего решать все вопросы полюбовно, то есть без угроз, запугивания, за что он и заслуживает уважение и любовь местного дворянства.

Отношения противников после случайной встречи и личного знакомства постепенно из негативной частнооценочной плоскости перемещаются в нейтральные. Представляется интересной интерпретация оценочного компонента развернутого сравнения приветствия Берестова при случайной встрече на охоте с Муромским. Субъектом оценки, на наш взгляд, является не рассказчик разночинец Белкин, а дворянин Пушкин, с точки зрения которого описываются оба героя. Если Муромский «как образованный европеец подъехал к своему противнику и учтиво его приветствовал», то в характеристике Берестова употребляется развернутое сравнение, которое свидетельствует о взглядах самого автора. Пушкина нельзя абсолютно считать западником, да и в годы его жизни оба направления переживали своё негласное формирование, однако оценка славянофильства Берестова в повести достаточно жестка и иронична, так как содержит в качестве оценочного основания сравнения медведя на цепи: «отвечал с таким же усердием, с каковым цепной медведь кланяется господам по приказанию своего вожатого» (Пушкин, 1978, с. 159). Заслуживает внимания происхождение выражения *цепной медведь*. С одной стороны, это животное как в европейской средневековой традиции, так и в Московской Руси символизировало силу княжеской власти, что отразилось в изображениях на печати новгородского наместника времен Ивана Грозного, гербе Ярославля, Перми, Тверского княжества и т.д. (Пчелов, 2012, сс. 34, 43, 57). А с другой, медведь как символ России и русских, встречается в сатирических гравюрах конца XVIII - середине XIX веков, созданных в Англии, где в это время была свобода печати. Исследователи отмечают, что существовало два типа изображений: связанное с военной тематикой и символизирующее внешнюю или внутреннюю порабощенность русского человека (Успенский, 2012). Первый тип гравюр возникает во времена политического противостояния или участия России в военных союзах против Англии. Второй, и более распространенный, появляется вследствие удалённости России от Европы, отсутствия контакта с ее народами и, как следствие, невозможности познать

национальный характер. Поэтому Пушкин неслучайно использует прием антитезы в приветствии враждующих между собой соседей, где «поклонник» всего английского Муромский изображается образованным европейцем, а Берестов закованным в свои внутренние убеждения цепным медведем, а основание сравнения указывает на его нежелание примириться с инакомыслием соседа и косностью во взглядах.

После личного знакомства взаимоотношения обоих героев описаны в повести предикатами в форме множественного числа, которая показывает единодушие, а также имеет в большинстве нейтральную или слабо окрашенную положительную оценку: «разговорились», «проводил», «попросил», «взяв слово приехать», «принял», «предложил осмотреть», «вспомнили», «укреплялось», «превратилось», «признавал», «не отрицал», «мог быть полезен», «обрадуется», «обумывали», «переговорились», «обнялись», «обещались», «принялись» (Пушкин, 1978) И в заключении необходимо остановиться на авторском отношении к героям. Оно выражено дополнениями «самолюбивый англоман» и «расчётливый помещик» к предикату «разделял» при описании мыслей незаинтересованного лица, сына Берестова, предвкушавшего встречу с дочерью Муромского: «Сын его не разделял ни неудовольствия расчётливого помещика, ни восхищения самолюбивого англomана ...» (Пушкин, 1978, с. 162). Причем каждое из названных именовании имеет свою категорию негативного частнооценочного значения: Муромского – этическую, а Берестова – эмоционально-утилитарную. Интересно, что смещение оценок в сторону негативного полюса обеспечивается широким контекстом: Муромский с гордостью демонстрировал гостям свой английский сад и зверинец, а Берестов при этом испытывал сожаление, «жалел о потерянном труде и времени на столь бесполезные прихоти» (Пушкин, 1978, с. 162). Поэтому семы 'пристрастие' в характеристике Муромского и 'бережливый, экономный' в изображении Берестова можно интерпретировать в качестве негативных.

Таким образом, как в отношении к близким, так и в вопросах хозяйствования, помещного быта Берестов опирается скорее на исконно русские традиции, является их популяризатором и ярким приверженцем. Причем методы защиты этих ценностей достаточно открыты, жестки, он не скрывает своего негативного отношения к людям иного типа. Несмотря на то, что в повести Берестов не показан как крепостник, и ничего не сказано о религиозности, его мировоззрение, деятельность, стиль жизни демонстрируют взгляды славянофилов. Тогда как его противник Муромский всем своим существом, привычками, способом ведения хозяйства, предприимчивостью, напускной англomанией выражает мировоззрение, характерное для провинциальных дворян-западников. Однако основанием для примирения героев и причиной желаниа породниться, несмотря на разногласия, является осознание себя русскими, людьми, живущими на этой территории и имеющими общую историю, религию, культуру, традиции. В образах обоих помещиков, как сторон одной медали под названием Россия, демонстрируются противоположные полюса русского национального характера. Их «русскость», которая выражена автором с помощью приёма говорящих фамилий, и позволяет найти точки соприкосновения. Фамилия Берестова происходит от названия природного исконно русского материала бересты, изготавливаемого из коры широко распространенного дерева берёзы – символа России. А фамилия Муромский образована от названия древнейшего русского города Муром, откуда был родом былинный богатырь Илья Муромец.

Выводы

Суть работы заключалась в том, чтобы раскрыть отраженное в повести «Барышня-крестьянка» слогом разночинца Белкина авторское видение национального сознания. Проведённое исследование показало, что предикаты с оценочным значением играют важную роль в передаче двойственности русского характера. В результате анализа фактического материала по нескольким критериям (прошлое, семейные отношения; отношение к детям; деятельность в поместье; одежда, стиль жизни; самомнение; отношение к противнику до и после случайной встречи в лесу) выявлены ключевые тенденции начала XIX века, которые к его середине привели к созданию славянофильства и западничества. Споры в российском обществе, связанные с выбором Россией своего пути, европейским влиянием и национальной самобытностью показаны Пушкиным через второстепенные образы двух типов поместных дворян.

В характеристике Берестова и Муромского присутствует двойственность, которая находит выражение в предикатах общей и частной оценки. Особенности их общеоценочного значения заключается в том, что оно фиксирует положительный или отрицательный модус, а для интерпретации были исследованы такие языковые средства, как дейктические слова (частицы, наречия, прилагательные в сравнительной и превосходной степени, местоимения), особенности объекта и субъекта оценки, понятие нормы и стандарта, а также культурно-фоновые знания, основание сравнения, контекст повести как пресуппозиция оценочного высказывания. В качестве частнооценочных значений предикатов Пушкин использует психологическую эмоциональную, сенсорную, этическую, нормативную (соответствие стандарту), утилитарную (польза, вред), телеологическую (эффективность, неэффективность) оценки. В семантике общеоценочных и частнооценочных предикатов, которые в повести достаточно часто приобретают ироническую окраску, при характеристике Берестова прослеживается стремление сохранить патриархальные устои, а Муромского некоторая легкомысленность, но открытость новым веяниям.

Интерпретация оценочных значений в работе позволила эксплицировать основные процессы, происходившие в российском обществе пушкинского времени, повлиявшие на ход истории и представляющие интерес для понимания повести. К ним можно отнести вынужденную отставку чиновников и военных екатерининского времени в правление Павла I; смена французского влияния увлечением английской культурой, литературой, способами хозяйствования и т.п.; формирование образа русского человека как цепного медведя; деятельность Опекунского совета, выдававшего ссуды под залог имений. Особую значимость имеет отражение в повести процесса формирования идей славянофильства и западничества в среде провинциального поместного дворянства.

Extended Abstract

The advent of the 19th century in Russian history and the evolution of its social ideas can be attributed to the cumulative influence of preceding periods. The development of its statehood coincided with the emergence of national identity, encompassing religious, cultural, and geopolitical dimensions. Russia's geopolitical position between East and West, its vast territory, and its interactions with other nations and cultures have been pivotal factors in the emergence of discord over its development trajectory. By the mid-nineteenth century, two conflicting

philosophical schools had emerged: Slavophilism and Westernism. These concepts inevitably found expression in literature.

In Russian culture, A. S. Pushkin is widely regarded as the progenitor of a literary style and of the modern Russian literary language. Furthermore, it is notable that he introduced a number of novel themes in his literary works. One such example is the 'Tales of Belkin', and more specifically, the tale 'The Noblewoman-Peasant', which was subject to censure during Pushkin's life. Pushkin borrowed many ideas from Western European literature and the melodramatic type of the tale. However, by the mid-nineteenth century, literary scholars and critics asserted that "Belkin's Tales" had laid the foundations for classic Russian literature of the Golden Age. The subject of this work is the evaluative semantics of predicates that characterise two secondary characters: the landowners Berestov and Minsky.

The selection of examples was based on reading the tale. Componential analysis was used to determine the semantic structure of the selected predicates and to identify the evaluative semes. The use of interpretive and contextual methods made it possible to categorize and describe the evaluative semantics of the predicates. The theoretical framework for this article was developed by N. D. Arutyunova, who compiled a compendium of knowledge from linguists across different periods of history and developed a classification of evaluative meanings.

The classification of all predicates was conducted according to the established categorization, resulting in their division into distinct groups. The text employs a range of predicates to characterize Berestov's life and family relationships. These predicates typically carry a neutral or negative emotional and ethical evaluation. They serve to obscure the facts surrounding Berestov's resignation from the army, which occurred due to a change in emperors and the potential for disgrace. Additionally, the text alludes to his marriage, yet it is notable that Berestov displayed a marked lack of interest in his wife and family. Instead, he preferred activities such as hunting and farming. Predicates with neutral evaluation are employed to describe Muromsky.

However, in the context of children, Muromsky is characterized by positive emotional predicates, including semes 'highest degree of joy', 'peaceful', and 'gentle'. Berestov's attitude toward his son is conveyed through evaluative semes of negative emotion and teleological (coercive) evaluation, predicates with pressure semantics, and in the form of an imperative, as well as various means of emphasis (negative particles and adverbs). In contrast to Muromsky, Berestov employs a conventional, arguably dated approach to resolving familial issues in his personal life.

The predicates demonstrate marked differences in how both characters approach farming and in their respective lifestyles. Pushkin's portrayal of Berestov is marked by a combination of positive, negative, and often ironic evaluations. On the one hand, he is described with predicates that carry a positive teleological evaluation, denoting success. Furthermore, his thriftiness and modesty in daily life, which he exhibited to visitors and thereby shaped public opinion of him in his local area, are also evaluated in the same way. Conversely, he derived pleasure from luxurious things. Berestov's newspaper consumption is limited to one, a choice influenced by his predilection for official news, and he dislikes change. Berestov criticizes Muromsky's activities and his love of all things English. He emphasizes adherence to traditional Russian values in matters of farming.

The author also evaluates Muromsky's activities and lifestyle, employing predicates with contrasting connotations. Irony becomes an essential component of the evaluative meaning, as

Muromsky is presented as a rather colorful personality. His life is defined by predicates such as playfulness and the ability to accumulate new debts. Muromsky's recklessness is emphasized by his profound love for all things English, which permeates every aspect of his life. In this manner, Pushkin demonstrates the spread of English traditions among the Russian aristocracy, encompassing domains such as horticulture, attire, the reading of translated literature, and agriculture. However, Muromsky is recognized for his entrepreneurial spirit, a quality greatly esteemed by the provincial aristocracy. The mutual criticism of Berestov and Muromsky prior to their encounter in the forest is expressed in the tale through predicates with the senses of effectiveness and ineptitude, a general evaluative essence disclosed within the narrative setting, and psychological and emotional evaluations.

After their encounter in the forest and subsequent communication, the relationship between the opponents gradually shifts from antagonism to neutrality. In the forest setting, Muromsky, as an "educated European," holds an evaluative advantage. Conversely, Berestov's Slavophilism is harshly and ironically evaluated, stemming from a comparison of him to a bear on a chain. Following their communication, the relationship between the two characters is described in the tale with plural predicates that show agreement and are evaluated as mostly neutral or slightly positive.

A.S. PUŞKİN'İN 'KÖYLÜ KÜÇÜK BAYAN' ADLI UZUN ÖYKÜSÜNDE DEĞERLENDİRME ANLAMI TAŞIYAN YÜKLEMLER ÜZERİNDEN RUS KARAKTERİNİN İKİLİ DOĞASININ YANSIMASI

Özet

Bu çalışmada, Puşkin'in 'Köylü Küçük Bayan' adlı uzun öyküsünde Rus ulusal karakterinin çift yönlü doğasını açığa çıkarmada değerlendirme anlamı taşıyan yüklemelerin işlevi incelenmiştir. Araştırmada örnekleme yöntemiyle seçilen yüklemelerin değerlendirme anlamları, uygulanan anlam ve bağlam çözümlenmeleri temel alınarak açığa çıkarılmıştır. Söz konusu yüklemeleri incelemek amacıyla, Berestov ve Muromskiy adlı taşrada yaşayan iki soylu toprak sahiplerinin özelliklerine ilişkin değerlendirme ölçekleri geliştirilmiştir. Bu ölçekler arasında: geçmişleri, malikânedeki yaşamları, çocuklarına ve birbirlerine karşı tutumları gibi özellikler yer almaktadır. Öyküde yer alan ve değerlendirme bildiren tüm yüklemelerin incelenmesi, 19. yüzyılın başlarındaki Rus toplumsal yaşamının temel eğilimlerini betimleme açısından önemli bir yer tutmaktadır. Söz konusu başlıca eğilimler, Puşkin döneminde henüz şekillenme sürecinde olan Slavseverlik ve Batıcılık gibi felsefi akımlardır. Yüklemelerin anlam yorumlamasında, özellikle toplumsal normlar, kültürel göstergeler ve tarihsel bağlarla ilişkilendirilen kavramların ele alınması, ideolojik farklılıkların varlığını açıkça ortaya çıkmaktadır. Sonuç olarak, Rusya'nın taşra bölgelerinde yer alan soylu toprak sahiplerinin dahi farklı yaşam tarzlarına, ahlaki değerlere ve ulusal geleceğe dair farklı bakış açılarına sahip olduğu sonucuna varılmıştır.

Anahtar kelimeler: Uzun Öykü, Anlambirimcik, Toprak Sahibi, Yüklem, Değerlendirme Anlamı.

Литература

- Akcan, G. (2023). Rus dil bilimi çerçevesindeki metin algısında N. V. Gogol'ün "Fayton" adlı eserinin tarih ve zaman olgusu üzerine. *Uluslararası Dil, Edebiyat ve Kültür Araştırmaları Dergisi (UDEKAD)*, 6(2), 224-239. <https://doi.org/10.37999/udekad.1317636>
- Арутюнова, Н. Д. (1988). *Типы языковых значений: Оценка, событие, факт*. Г. В. Степанов (Ред.). Наука.
- Баскина, М. Э., & Дроздов, Н. А. (2022). Английская литература в русских переводах. *История русской переводной художественной литературы 1800–1825 гг.: очерки* (с. 375-545). В. Е. Багно, Е. Е. Дмитриева, М. Ю. Коренева (Ред.). Нестор-История.

- Белинский, В. Г. (1948). Сочинения Александра Пушкина. *Собрание сочинений в трёх томах. Том III* (сс. 172 - 640). В. И. Кулешов (Ред.). ОГИЗ.
- Бернштейн, С. И., Григорьева, А. Д., Иванова, Н. Н., Ильинская, И. С., Ковтунова, И. И., Левин, В. Д., Ожегов, С. И., Оссоветский, И. А., Петрищева, Е. Ф., Плотников, В. А., Пчелкина, В. В., Сидоров, В. Н., & Ходакова, Е. П. (2000). *Словарь языка Пушкина* (2-е изд.). В. В. Виноградов (Ред.). Азбуковник.
- Блехер, Л. И., & Любарский, Г. Ю. (2003). *Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья*. Академический проект.
- Гвоздев, А. В. (2012). *Геополитические аспекты философии культуры славянофилов* (2-е изд.). Т. Ф. Кузнецова, О. О. Козарецова (Ред.). Прометей.
- Гиппиус, В. В. (1966). *От Пушкина до Блока*. Г. М. Фридендер (Ред.). Наука.
- Дмитриева, Е. Е., & Купцов, О. Н. (2008). *Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретённый рай* (2-е изд.). ОГИ.
- Измайлов, Н. В. (1978). «Медный всадник» А. С. Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения. Пушкин, А. С. *Медный всадник* (сс. 147-265). Наука.
- Ключевский, В. О. (1989). *Курс русской истории. Том 5*. В. Л. Янин (Ред.). Мысль.
- Пушкин, А. А. (1978). *Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. Художественная проза* (4-е изд.). Б. В. Томашевский (Ред.). Наука. Ленинградское отделение.
- Пчелов, Е. (2012). Медведи в старинной русской геральдике: семантика образов. «Русский медведь»: История, семиотика, политика (сс. 28-60). О. В. Рябов, А. де Лазари (Ред.). Новое литературное обозрение.
- Ростопчин, Ф. В. (2014). Соха и плуг. *Мысли вслух на красном крыльце* (сс. 98-116). О. А. Платонов (Ред.). Институт русской цивилизации.
- Успенский, В. (2012). Типология изображений «русских медведей» в европейской карикатуре XVII первой трети XIX века. «Русский медведь»: История, семиотика, политика (сс. 85-102). О. В. Рябов, А. де Лазари (Ред.). Новое литературное обозрение.
- Федосюк, Ю. А. (2006). *Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века* (9-е изд.) Флинта.

References

- Akcan, G. (2023). Rus dil bilimi çerçevesindeki metin algısında N. V. Gogol'ün "Fayton" adlı eserinin tarih ve zaman olgusu üzerine. *Uluslararası Dil, Edebiyat ve Kültür Araştırmaları Dergisi (UDEKAD)*, 6(2), 224-239. <https://doi.org/10.37999/udekad.1317636>
- Arutyunova, N. D. (1988). *Tipi yazıkovich znaçeniy: Otsenka, sobitiye, fakt*. G. V. Stepanov (Ed.). Nauka.
- Baskina, M. E., & Drozdov, N. A. (2022). Angliyskaya literatura v russkih perevodah. *İstoriya russkoy perevodnoy hudojestvennoy literaturı 1800–1825 gg.: oçerki* (ss. 375-545). V. Ye. Bagno, Ye. Ye. Dmitriyeva, M. Yu. Koreneva (Ed.). Nestor-İstoriya.

- Bernšteyn, S. Ī., Grigoryeva, A. D., Īvanova, N. N., Īlyinskaya, Ī. S., Kovtunova, Ī. Ī., Levin, V. D., Ojegov, S. Ī., Ossovetskiy, Ī. A., Petriřeva, Ye. F., Plotnikov, V. A., Pçyolkina, V. V., Sidorov, V. N., & Hodakova, Ye. P. (2000). *Slovar' yazıka Puřkina* (2nd ed.). V. V. Vinogradov (Ed.). Azbukovnik.
- Betlinskiy, V. G. (1948). Soçineniya Aleksandra Puřkina. *Sobraniye soçineniy v tryoh tomah. Tom 3* (ss. 172 - 640). V. I. Kuleřov (Ed.). OGĪZ.
- Bleher, L. Ī., & Lyubarskiy, G. Yu. (2003). *Glavniy russkiy spor: ot zapadnikov i slavyanofilov do globalizma i Novogo Srednevekovya*. Akademiçeskiy Proekt.
- Dmitriyeva, Ye. Ye., & Kuptsov, O. N. (2008). *Jizn' usadebnogo mifa: utraçenniyy i obretyonniyy ray* (2 nd ed.). OGĪ.
- Fedosyuk, Yu. A. (2006). *Çto neponyatno u klassikov, ili Entsiklopediya russkogo bita XIX veka* (9 th ed.). Flinta.
- Gippius, V. V. (1966). *Ot Puřkina do Bloka*. G. M. Fridlender (Ed.). Nauka.
- Gvozdev, A. V. (2012). *Geopolitiçeskiye aspekti filosofii kul'turi slavyanofilov* (2nd ed.). T. F. Kuznetsova, O. O. Kozarezova (Eds.). Prometey.
- Īzmaylov, N. V. (1978). 'Medniy vsadnik' A. S. Puřkina: Īstoriya zamisla i sozdaniya, publikatsii i izuçeniya. Puřkin, A. S. *Medniy vsadnik* (ss.147-265). Nauka.
- Klyuçevskiy, V. O. (1989). *Kurs russkoy istorii. Tom 5*. V. L. Yanin (Ed.). Mısl.
- Pçyolov, Ye. (2012). Medvedi v starinnoy russkoy geral'dike: semantika obrazov. «*Russkiy medved'*»: Īstoriya, semiotika, politika (ss. 28-60). O. V. Ryabov, A. de Lazari (Ed.). Novoye Literaturnoye Obozreniye.
- Puřkin, A. S. (1978). *Polnoye sobraniye soçineniy v 10 tomah. T. 6. Hudojestvennaya proza* (4 th ed.). B. V. Tomařevskiy (Ed.). Nauka. Leningradskoye Otdeleniye.
- Rostopçin, F. V. (2014). Soha i plug. *Mıslı vsluh na krasnom krıltse* (ss. 98-116). O.A. Platonov (Ed.). Īnstitut Russkoy Tsivilizatsii.
- Uspenskiy, V. (2012). Tipologiya izobrajeniy «russkih medvedey» v yevropeyskoy karikature XVII pervoy treti XIX veka. «*Russkiy medved'*»: Īstoriya, semiotika, politika (ss. 85-102). O. V. Ryabov, A. de Lazari (Ed.). Novoye Literaturnoye Obozreniye.

Этическое заявление/Ethical Statement: Заявляется, что при проведении и написании данного исследования соблюдались научные и этические принципы, и что все использованные источники были надлежащим образом процитированы. / It is declared that scientific and ethical principles have been followed while carrying out and writing this study and that all the sources used have been properly cited.

Декларация о конфликте/Declaration of Conflict: Заявляется, что в исследовании нет конфликта интересов между отдельными лицами или учреждениями. / It is declared that there is no conflict of interest between individuals or institutions in the study.

Авторские права&лицензия/Copyright&License: Авторы, публикующиеся в журнале, сохраняют авторские права на свои работы, лицензированные в соответствии с лицензией CC BY-NC 4.0. / Authors publishing with the journal retain the copyright to their work licensed under the CC BY-NC 4.0